

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ИМПЕРИЙ КАК ЕСТЕСТВЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

С.А. Федечко

Полесский государственный университет, scholast@tut.by

В территориально интегрированных, многонациональных империях проблемы, связанные с расселением этносов, возникающие в ходе дезинтеграции империй, стоят острее. Это хорошо видно по опыту империй, рухнувших во время Первой мировой войны: Российской, Германской, Австро–Венгерской, Османской.

То, что имперские правительства дали оружие в руки миллионам крестьян, отнюдь не всегда лояльных к власти, послали их на годы в окопы, не удосужившись объяснить им необходимость войны, делало сохранение империй задачей трудноразрешимой. Поражение, крушение старого порядка, территориальная дезинтеграция были взаимосвязанными процессами.

Картина анархии, порождаемой крахом империй, хорошо известна по книгам и фильмам, посвященным Гражданской войне в России. Но это отнюдь не русская специфика. Вот как описывает реалии времени, связанного с крахом Австро–Венгерской империи, один из современников: «Зеленые компании (банды дезертиров) превратились в банды грабителей. Села, замки и станции брали штурмом и грабили. Железнодорожные пути уничтожали. Поезда держали в очереди, чтобы их ограбить. Полиция и вооруженные силы присоединялись к грабителям или были бессильны противостоять им. Вновь обретенная свобода вставала в дыму сожженных домов и сел».

Опыт расформирования империй после Первой мировой войны важен для понимания тех проблем, с которыми мир столкнулся в конце XX века. После краха авторитарного режима возникает политический и социальный вакуум. Полицейский старого режима ушел, нового еще нет. Возникает ситуация, характерная для великих революций: слабое правительство, не способное собирать налоги и выплачивать деньги тем, кто их получает из государственного бюджета, обеспечивать порядок и т. д. В таких условиях эксплуатация простейших общественных инстинктов – надежный путь к политическому успеху. При слабости демократических традиций и политических партий радикальный национализм, апелляция к национальным обидам, поиску этнических врагов, которые во всем виноваты, — надежное оружие в борьбе за власть. Австро–Венгрия 1918 года – классический пример использования подобного политического инструментария лидерами этнических элит империи. Даже накануне крушения империи пангерманские круги в Австрии категорически возражали против ее трансформации в федерацию. Австро–венгерская элита, понимавшая хрупкость империи, пыталась сохранить ее, разжигая противоречия между подконтрольными народами, создавала ситуацию, в которой венгры ненавидят чехов, чехи – немцев, итальянцы – и тех, и других. Когда крах империи стал неизбежным, взаимная вражда сделала национальные проблемы в странах–наследницах труднорегулируемыми.

Важнейшей темой в венгерской политической агитации 1918 года была недопустимость утраты статуса привилегированной нации в Австро–Венгрии. Ключевой сюжет хорватской агитации – неприемлемость венгерского доминирования и территориальных претензий Венгрии к Хорватии. Для австрийских немцев важнейшая проблема в это время – судьба части Чехословакии, населенной судетскими немцами, для Чехии – сохранение территориальной целостности.

Эти конфликты трудноразрешимы на рациональном уровне. С точки зрения рациональности невозможно объяснить: что важнее – сохранение целостности Богемии или право судетских немцев на присоединение к Германии? Как быть с венгерскими меньшинствами в Югославии и Румынии? В относительно мирном разрешении этих противоречий важнейшую роль сыграла оккупация важнейших спорных территорий бывшей Австро–Венгерской империи войсками Антанты. Но и в этом случае не обошлось без вооруженных конфликтов. При крахе других территориально интегрированных империй развитие событий пошло более кровавым путем.

Окончательный демонтаж Османской империи стал результатом ее поражения в Первой мировой войне. Лидеры турецких националистов в январе 1920 года были вынуждены признать право территорий империи, в которых доминировало арабское население, на самоопределение. Но они настаивали на сохранении целостности турецкой метрополии. За крушением Османской империи последовала Грекотурецкая война. В ее основе – спор вокруг границ будущих государств. Победа в войне стала важным фактором легитимации нового турецкого государства, позволила сравнительно безболезненно ликвидировать в 1924 году мусульманский халифат. Однако и здесь при первых попытках демократизации, предпринятых в конце 1920–х и начале 1930–х годов, легализованная оппозиция сразу начинает эксплуатировать ностальгические чувства по халифату, мусульманским ценностям и утраченной империи.

Гражданская война в России не носила чисто национального характера, в ее разворачивании была сильна идеологическая и социальная компонента. Вопрос о собственности на землю, подразверстке играли в ней не меньшую роль, чем национальный фактор. И тем не менее национальную проблематику в нашей истории 1917–1921 годов недооценивать нельзя.

На исходе Первой мировой войны идея права наций на самоопределение была принята европейским истеблишментом, закреплена в принципах, заложенных в основу Версальского договора. Это был способ демонтажа Германской, Австро–Венгерской, Османской империй. Авторы документа явно не думали о долгосрочных последствиях пропаганды сформированных в нем идей для других европейских империй.

Выше мы уже говорили о важнейшем отличии краха территориально интегрированных империй от распада заморских империй, состоящем прежде всего в том, что в последних переселенцы могут вернуться в метрополию.

В территориально интегрированных империях ситуация сложнее. Здесь речь идет не о переселенцах, приехавших в заморские территории одно–два поколения назад, а о людях, отцы и деды которых жили на том же месте, рядом с другими народами на протяжении веков. О миллионах тех, кто воспринимал себя по меньшей мере равноправными гражданами страны, а нередко и привилегированным сословием. Когда империя рушится, представители метрополии иногда оказываются национальным меньшинством. После краха Австро–Венгерской империи свыше 3 млн. венгров оказалось в положении национальных меньшинств в соседних государствах–наследниках: 1,7 млн. – в Трансильвании, отошедшей к Румынии, около 1 млн. – в Словакии и Закарпатской Руси, вошедшей в состав Чехословакии, примерно полмиллиона – в Воеводине, отошедшей к Югославии. Почти 5 млн. немцев превратились из представителей господствующей нации в австрийской половине Австро–Венгерской монархии и ряде восточных областей Германской империи в национальные меньшинства в Чехословакии, Польше и Италии.

В основе политической идеологии движений, задача которых – обретение национальной независимости, разрушение империи, нередко лежит эксплуатация чувств, направленных против ранее доминировавшего этноса. Это не та политическая конструкция, при которой можно ждать политкорректности в отношении тех, кто принадлежал к привилегированной нации. Этим во многом объясняется и поддержка идей радикального национализма меньшинствами, ранее представлявшими метрополию, в новых, ставших независимыми странах.

Роспуск империй в XX веке – составная часть процесса глобальных изменений, который называется современным экономическим ростом. Людям, попавшим в маховик истории, от этого не легче. Апелляция к их чувствам – сильное средство политической борьбы. Историки и литераторы, разжигающие радикальный национализм, неприятие живущих рядом народов, напоминающие об исторических обидах, причиненных когда–то соплеменникам, должны понимать, что они прокладывают дорогу этническим чисткам и страданиям миллионов людей.

Список использованных источников:

1. Agnew, John A. Geopolitics: re–visioning world politics/ John Agnew. – 2nd ed. New York 2006
2. Гавров С.Н. Модернизация во имя империи: социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. – М.: УРСС, 2010. – 349 с.
3. Галин В. В. Интервенция и гражданская война. – М.: Алгоритм, 2004. – Т. 3. – С. 105–160. – 608 с.